

Марченя Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; доцент кафедры философии Московского университета МВД России, г. Москва

«Смута» как проблема отечественной истории: чему учат системные кризисы России?

Ключевые слова:

Империя, смута, революция, системный кризис, россиеведение, смутоведение, импероведение

«Смута» рассматривается в качестве основополагающей комплексной проблемы истории России и россиеведения. Проводятся параллели между тремя «Великими российскими смутами» (начала XVII, начала XX и рубежа XX–XXI веков). Периодически повторяющиеся системные кризисы российского государства и общества связываются с особенностями России как Империи. Взаимодействие народа и власти рассматривается как главный фактор возникновения, развития и преодоления «Смуты».

На Литве звенят гитары.
Тула точит топоры.
На Дону живут татары.
На Москве сидят воры...
Б. Чичибабин («Смутное время»)

Народ, безумием объятый,
О камни бьется головой
И узы рвет, как бесноватый...
Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града —
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы...
М. Волошин («Петроград»)

В кровавом тумане русской смуты гибнут люди и стираются реальные грани исторических событий <...> ...наряду с огромной работой в области возрождения моральных и материальных сил русского народа, перед последним, с небывалой еще в отечественной истории остротой встанет вопрос о сохранении его державного бытия. Ибо за рубежами русской земли стучат уже заступающие могильщики и скалят зубы шакалы, в ожидании ее кончины...
А. Деникин («Очерки русской смуты»)

События российской истории конца XVI – начала XVII вв. оставили одну из незаживающих ран в исторической памяти России, известную практически всему образованному миру под хлестким, емким, но чрезвычайно многосмысленным и принципиально непереводаемым на доминирующий в современном историческом знании английский язык словом «смута». В «живом великорусском языке», согласно толкованию В. Даля, «смута» есть тревога, переполюх; возмущение, восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор меж народом и властью; замешательство, неурядица, беспорядок, расстройство дел; домашние ссоры, дразги, перекоры; наушничество, наговоры и следствия их...; все, что «смучает», «мутит» (делает «смутным», «смущенным», «возмущенным»)..., порождает недоброе, нелады, несогласие, ослушивание, ропот, негодование...; вызывает сомнение, замешательство, недоразумение, свары, неприятности; силетни, наветы, наушничество, пересуды...; приводит в смятение сердце, дух, мысли...; ведет к растерянности, запутанности, неясности, «мутности»...; вносит беспорядок, неурядицу, суету, тревогу...; беспокоит, соблазняет, наущает, сбивает с толку... и т.д.

Несмотря на такую этимологическую и терминологическую безбрежность (а скорее благодаря ей), вобравший в себя всю противоречивость теории и практики русской исторической судьбы концепт «смуты» давно и плотно прописался в саморефлексирующей культуре России.

И сегодня, «среди шатания в умах и общей смуты...» (по не утратившим актуальности строкам Ф. Сологуба более чем вековой давности), сложно (если вообще возможно), подобрать другое слово, способное столь органично «вписаться» в отечественный исторический и историографический дискурс.

В широком смысле этого слова, «Смута» применима к очень многим событиям истории российского государства и общества, чрезвычайно богатой на всевозможные кризисы, «роковые» и «переходно-переломные» времена, повторяющиеся с уже давно никого не удивляю-

щим постоянством. Более того, широко распространено мнение, что именно настойчивая циклическая повторяемость или даже перманентность кризисов («кризисный ритм истории») является одной из отличительных (идентификационно значимых) особенностей России, имманентно устойчивой характеристикой ее трансцендентно «неисповедимого» пути, требующего своей собственной теории и терминологии. Как образно сформулировал отечественный пиит (А. Кривенко): «Русского можно отличить от грека способностью войти в одну и ту же реку...».

А один из известнейших «смутоведов» России язвительно подметил: «Писать о том, куда и почему постоянно заносит [так в тексте. — П.М.] Россию, подавив в себе чувство юмора, просто невыносимо» [4, с. 17]. Напротив, то, над чем могут себе позволить привычно иронизировать отечественные авторы, не на шутку пугает иностранных исследователей-россиеведов. Так, например, один из патриархов американских "Russian studies" Дж. Биллингтон, когда-то по молодости призывавший к «ироническому» взгляду на историю революций/смут в России [15, р. 452–473], спустя несколько десятилетий их изучения высказывается о них отнюдь нешутивными стихами Б. Пастернака: «Ты видишь, ход веков подобен притче, / И может загореться на ходу» – причем делает это

уже вполне серьезно, без малейшей тени прежней иронии. [16, р. 551, 554].

В этой связи замечательный современный российский ученый А.И. Фурсов приходит к важному выводу: «В России любой строй, будь то московское или петербургское самодержавие — это учет и контроль. И — время от времени — праздник русской истории — передел, перераспределение власти и имущества. То есть смуты [так в тексте. — П.М.]. Именно смуты, а не революции, поскольку речь идет не столько об изменениях в отношениях производства, их агентов, а об изменениях по поводу перераспределения. В этом плане русская история (и Российская империя) противостоит всему остальному — "докапиталистическому" и "капиталистическому" вместе взятому, а потому требует для себя совершенно иной теории, чем, например, китайские империи или британская» [14].

Однако в сугубо историческом смысле, наряду с событиями начала XVII в., термин «смута» в России традиционно стали именовать события начала и конца прошлого века (отметим, что последний (?) период «смутного времени», по мнению многих современных ученых, еще не завершен) [5].

Причем, судьба использования самого понятия «Смута»/«Смутное время» тоже складывалась непросто. Несмотря на чрезвычайно по-

Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII в.

© Васнецов А.М.

пулярность образов «Смуты» (и связанных с ней метафор и сюжетов) в период непосредственно до- и во время революции 1917 г. (а также еще спустя некоторое время после нее), из советской историографии так называемой «Великой Октябрьской социалистической революции» и «гражданской войны» против «белогвардейской контрреволюции» и «иностранной военной интервенции», практически все производные от лексемы «Смута» словесные формулы были поэтапно изгнаны.

Использование подобной терминологии применительно к канонизированной истории не только «Великого Октября», но и его «генеральной репетиции» — «Первой русской революции 1905–1907 гг.», и к вымостившей ему дорогу «Февральской буржуазно-демократической революции», быстро оказалось на положении сначала апокрифа, а потом и вовсе открытой ереси по отношению к официально признанному Священным Писанию «Краткого курса истории ВКП (б)». А уж попытки по старинке именовать «смутными» времена «триумфального шествия Советской власти» вообще стали выглядеть преступным кощунством и хулой на своеобразного атеистического «Святого Духа» сталинского «Откровения».

В результате временного «окончательного» торжества партийно-советской версии рос-

сийской истории «Смута» оказалась надолго исключена из научного оборота отечественных историков. Теперь этим идеологически невыдержанным термином нельзя было называть уже и «Период крестьянской войны и польско-шведской интервенции» начала XVII в. Так понятие «Смуты» оказалось фактически под запретом, нарушение которого грозило, как минимум, карьерно-научной анафемой и пожизненным отлучением от историко-партийной кормушки.

Не могла быть «смутной» высокосоциальная «революционная борьба» за «светлое будущее трудящихся всех стран» той политической партии, которая детально обосновала свое монопольное право на истину в теории и осталась единственной на практике. Не могли быть всего лишь банальными «смутьянами» вожди и члены этой партии. Негоже было называться «смутным временем» времени ее «великих побед и свершений». Равно как и не должно было выглядеть изначально «мутным» либо специально «взбаламученным» развивающееся в строгом соответствии с основами историко-материалистической науки идеологически и экономически «закономерное революционное движение» возглавляемых ею «народных масс».

Более того, на протяжении долгого времени в отечествен-

ной исторической науке внушалось представление о том, что и обозначение событий российской истории рубежа XVI–XVII вв. термином «Смута» было всего лишь порождением «дворянско-буржуазной историографии», а сам оборот «Смутное время» якобы был изобретен (бежавшим из России в Швецию подьячим Григорием Котошкиным) только в середине XVII в. Однако современные исследования позволяют с уверенностью опровергнуть это мнение, документально подтверждая, что слова «Смута» и «Смутное время» (наряду с оборотами «московская разруха», «литовское разоренье», «безгосударное время») активно использовались современниками и участниками потрясений начала XVII в. [9].

«Русь сотрясали годы смуты: / Вся жизнь войной опалена, / Борьба за власть, и цены вздуты, / Разлом, распад, скудна казна. / Страну топтали интервенты: / Поляки брали города, / И оскверняли земли шведы. / Кремль растворил свои врата — / И самозванцы на престоле! / Вражду, предательство бояр / Народ терпеть не может боле: / Объединится всем как встарь! / Очнулась Русь от тяжкой дремы, / Народной волей Русь сильна. / Воззванья церкви столь весомы: / За православие, страна! / На берегах Оки волненье: / Народный гнев дает ростки — / Готовит Ми-

В смутное время. Взятие Кремля

Вступление в Кремль

нин ополчение, / Пожарский поведет полки. / И вот уж гонят прочь поляков: / В Кремле — последний гарнизон. / Пожарский с мужеством, отвагой / Берет за вражий бастион...» (И. Крымова) — так вкратце выглядит поэтизированно-канонизированная история той, «Первой самой», общероссийской смуты четырехсотлетней давности, которой посвящен настоящий номер. Ее же подлинная история, «История в подробностях», выглядит, конечно, иначе.

Однако автор настоящей статьи не ставит перед собой задачу напомнить подробности именно той, в определенной мере «общеизвестной» (по учебникам, средствам массовой информации, беллетристике, кинофильмам...) истории, преимущественно мифологическо-патриотическую часть которой пять лет назад наши власти решили искусственно обособить и назначить соответствующий праздник. Этот на диво противоречивый праздник призван был вытеснить другой, куда как известный и еще более канонизированный и демонизированный одновременно. Так или иначе, но «это из злыдни, из смуты седой прадеды вынесли диво» (Б. Чичибабин).

Подводить итоги, «победило» ли в современном массовом сознании и в исторической памяти России «4-ое ноября» или «7-ое ноября», пожалуй, пре-

ждевременно. А вот в исторической науке уже можно говорить как о вполне оформившемся к началу 3-го тысячелетия историографическом факте научного признания в качестве «Великих смут России» «трех полномасштабных (системных) кризисов империи: Смута начала XVII в., революционный взрыв начала XX в., нынешнее состояние России» [2, с. 32], образующих некую «триаду "смутных времен" России» [1, с. 96].

Причем смуты/кризисы не только признаны «естественной формой пространственно-временного существования России», но и могут по праву считаться важнейшей проблемой современного россиеведения, ибо «сравнительное изучение периодов нестабильности российской системы с учетом особенностей массовой психологии может сказать о ее природе больше, нежели любая — как всегда претендующая на универсализм — теория» [3, р. 95].

Вопрос о смуте представляет далеко не только лишь теоретический интерес. Увы, «смута» как реальный вариант современной и будущей российской истории — это вовсе не всего лишь концептуальное обобщение, художественная метафора или политический повод для привычного кухонного зубоскальства. Только в течение прошлого века — уже «пережитого», но далеко еще «не изжитого» —

Россия дважды оказывалась на грани полной потери своей цивилизационной идентичности и, на время зависнув в промежуточном положении «между "Империей" и "Смутой"» [7], срывалась в «безвременье» [8] последней. И с оглушительным треском обрушала первую.

Так бесславно завершила свою историю романовская империя. Так же погибла и империя советская. Дважды за один век Россия заплатила за непонимание собственной природы и механизма возникновения и развития общенародной смуты распадом исторически сложившейся имперской государственности. Даже в главном официальном печатном органе Российской Федерации вопрос уже поставлен следующим образом: «Почему российская история движется циклами — от великого расцвета к великой смуте, от государственного централизма к распаду империй? И когда рухнет страна — тогда ли, когда ослабевают державная узда или когда власть глуха к новым общественным запросам?» [6].

Пожалуй, ответ на этот вопрос не возможен вне осмысления циклической динамики функционирования и воспроизводства России как *Империи*, имеющей свои запасы прочности, защитные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности и социокультурной преемственности.

через Троицкие ворота

Обращение Бориса Николаевича Ельцина к народу. Ельцин Б.Н. стоит на танке. 1991

Поиски смысла «Смуты» оказываются неразрывно связаны с осмыслением Империи как исторически обусловленной системы взаимодействия народа и власти в России, с искажения которой и начинаются все «смутные времена» отечественной истории [подробнее см.: 12]. Империя и Смута выступают в качестве бинарных инвариантов России, а «смутоведение» оказывается невозможным вне «импероведения», сплетаясь с ним в единый «гордиев узел» русификации, в который органически объединены все его ключевые темы и проблемы. Собственно, пара «Смута – Империя» и образует диалектическое единство основного конфликта истории России, определяя своеобразие пресловутой «русской системы» и ее цикличность [11].

Власть в Империи призвана служить в первую очередь не инструментом согласования частных интересов, а выразителем коллективной воли и миссии народа. Она дает и обществу, и индивиду социальный смысл

жизни как Служения, позволяя ощутить причастность к надындивидуальной целостности, найти надежную опору, находящуюся вне времени — тем более, вне всяких *смутных времен*.

Поэтому «Имперскость» России предполагает особое *единение власти и народа*. Народ выступает не только строителем Империи, но и является ее цивилизационным фундаментом, хранителем базового минимума державных ценностей. Власть не только реагирует на новые вызовы времени, но и обеспечивает историческую преемственность Империи, согласовывая относительность инновационных действий с безусловностью непрерывности нормативно-ценностного единства со своим народом. Если действия элит явно вступают в конфликт с основополагающими ценностями народа, ставят под угрозу историческое бытие Империи — наступает Смутное время. При этом главный вопрос смутных времен — вопрос о легитимности либо «самозванно-

сти» претендующих на власть сил — решается в массовом сознании, в системе архаических координат «свой — чужой». Народ берется «за вилы» лишь тогда, когда власть в очередной раз наступает на уже забракованные отечественной историей «грабли», провоцируя смуту [10].

Смутные времена в имперской истории являются периодами своеобразной «переоценки ценностей», связанной с необходимостью обновления базового комплекса идеологем (восстановления соразмерности соотношения между сакральными сверхзадачами и реальными земаыми ценностями, между метафизическим смыслом Империи и его официальным выражением) и воссоединения живой психологической связи между обществом и властью (возрождения самосознания имперского общества как целостного субъекта истории, возвращения утраченной цельности переживания жизни как осмысленного *служения*). *Смута* начинается с идеологического банкротства

Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате

государства и психологического отчуждения масс от властной элиты, утратившей в их сознании имперско-историческую легитимность, и заканчивается с приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам, изоморфной Имперской традиции.

В таком ключе, напрашиваются очевидные исторические параллели, позволяющие за внешним несходством всех трех «великих смут» разглядеть их глубинное типическое единство.

В ходе *первой* смуты — «классической», парадигмальной для России Нового времени (Смуты XVII в.) — сначала были сотрясены основания средневекового Московского царства, но затем оказались массово — «всесословно» и «всенародно» — отторгнуты и антидержавные прозападнические действия элит, вместе с самими элитами, вступившими на путь открытого сотрудничества с интервентами.

В долгосрочном итоге Россия была подтолкнута к имперскому пути.

В ходе *второй* смуты — «модернистской», детерминировавшей основные параметры для России Новейшего времени (Смуты начала XX в.) — сначала посыпалась по «эффекту домино» романовская империя, но затем были ликвидированы

(вместе с их носителями) все наносные либерально-демократические декорации. Временное правительство (временщики, самоназванные «правителями») и вяло поддерживающие его «демократические» партии стали коллективным Лжедмитрием новой смуты — и в некотором смысле повторили его судьбу. Постфевральская «демократия», идеологически и психологически не адекватная массовому сознанию, была химерой и фикцией — и закономерно оказалась сметена протестной стихией масс, инструментализированной большевиками.

В конечном итоге возникла новая — еще более могущественная империя — Советский Союз.

В ходе *третьей* смуты — «постмодернистской», определяющей основные контуры нынешней и, возможно, грядущей России (Смуты, начавшейся на исходе прошлого века) — дошла очередь и до не справившейся с вызовами современности советской империи, на руинах которой по сию пору ищет и никак не обрящет себя «Новая Россия».

Об итогах этого процесса говорить преждевременно. Однако, как говаривал маркиз Галифакс, «лучший способ догадаться, что будет — припомнить, что уже было».

Закончить статью хотелось бы какой-нибудь светлой и оптимистической цитатой о том, как легко нам будет оставить, наконец, смуту в прошлом, по какому-нибудь чудодейственному рецепту наподобие стихотворного призыва Б. Чичибабина: «*Специу сказать всем людям, / Кто в смуте не оглох, / Что если мы полюбим, / То в нас воскреснет Бог...*». Однако приходится, увы, писать о куда менее лирическом и более грозном. Так, например, состоявшаяся еще в 2005 г. встреча авторов и экспертов журнала «Свободная мысль — XXI», поводом которой стало обсуждение статьи В.Д. Соловья «*Россия накануне Смуты*», завершилась тревожным выводом: «Можно бояться или, напротив, надеяться на очередную революцию, чреватую большой кровью, но в любом случае революция и/или модернизация предполагает наличие субъекта, способного навести порядок на этой территории и удержать это пространство. Никто, кроме самих русских, удержать его не сможет. И для решения этой задачи осталось не более 15–20 лет. В ином случае русское пространство может быть только поделено». [13, с. 105].

Напомним, что 5 лет из этого прогностического срока уже прошли...

Источники

1. Аверьянов В.В. Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 95–103.
2. Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // *Россия и современный мир*. 2001. № 2. С. 31–47.
3. Булдаков В.П. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // *Acta Slavica Japonica*. Hokkaido, 2005. Т. 22. Р. 95–119.
4. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007.
5. Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю. «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящая системных кризисов в России // *Вестник архивиста*. 2010. № 3. С. 288–302. (Или см. на сайте журнала: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1083-l-n---n.html>.)
6. Выжубович В. От анархии — к жесткой власти: Писатель Александр Проханов и депутат Владимир Рыжков обсуждают статью Александра Солженицына «Размышления над Февральской революцией» // *Российская газета*. 2007. 28 февраля. Федер. вып. № 4304. С. 9.
7. Кара-Мурза А.А. Между «Империей» и «Смутой». М., 1996.
8. Кондаков И.В. «Смута»: эпоха «безвременья» в истории России // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 55–67.
9. Лисейцев Д.В. Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 8 (156). М., 2003. С. 318–328.
10. Марченя П., Разин Ю. Народ и власть в русской смуте: «Вилы» и «грабли» отечественной истории // *Обозреватель-Observer*. 2010. № 7. С. 96–103. (Или см. на сайте журнала: http://www.rau.su/observer/N7_2010/096_103.pdf.)
11. Марченя П.П., Разин С.Ю. Империя и Смута как инварианты российской истории // *Федерализм*. 2010. № 3. С. 121–134.
12. «Народ и власть: История России и ее фальсификации»: постоянно действующий научный проект // <http://www.google.com/profiles/narodivlast>.
13. Почему Россия медлит? / Д.А. Андреев и др. // *Свободная мысль-XXI*. 2005. № 4. С. 92–105.
14. Фурсов А.И. «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладонью» // *Агентство Политических Новостей*. 2007. 30 января. <http://www.apn.ru/publications/article11379.htm>.
15. Billington J.H. Six Views of the Russian Revolution // *World Politics*. 1966. Vol. 18. № 3. P. 469–473.
16. Billington J.H. The West's Stake un Russia's Future // *Orbis*. 1997. Vol. 41. № 4. P. 551–554.